

Bilal Adilow REGEN. Poesiebuch

Рецензия на книгу

Автор Ольга Равченко, писатель, член МГП, Беларусь

СКВОЗЬ БАРЬЕРЫ ПРОСТРАНСТВА

1. Два окна. Две ночи

Я – романтик кавказский, свободный орёл.

Билал Адиллов

Издательство Stella выпустило книгу REGEN современного лезгинского поэта Билала Адиллова в переводе Анны Мушенковой.

Билал Адиллов – бакинец, член Союза писателей России, участник пяти литературных проектов Международной гильдии писателей.

В книге поэзии REGEN три главы, в которые вошли семьдесят семь стихотворений разных лет: 30 + 30 + 17. Семьдесят семь – мощное число самопознания: маяк, освещающий путь к внутренней мудрости. Семьдесят семь – усиленная в разы вибрация семёрки, самого счастливого числа нумерологического ряда и любимого числа автора книги.

Первая глава – «Две ночи» – автобиографическая. В ней поэт раскрывает свой богатый внешний и внутренний мир, являя читателю безусловную безмерную любовь к родной земле и лезгинскому народу – одному из древнейших в мире.

Родина Билала, Судур – труднодоступное северо-западное селение Кусарского района в сто домов, на крутом склоне горы, у подножия Шахдага, в километре от границы Азербайджана с Дагестаном. В Судуре (*лезг. Стур*) с незапамятных времён сохранился квартал клана Далах Стур – по имени поэта, жившего в XII–XIII веках, чьё богатое поэтическое наследие сохранила память народа.

Не глазами ли Стур Далаха смотрит на мир его прямой потомок?

Бредёт отара по Гавдану:
Она в долине, будто строчка,
Но скоро приближаться станет
И потечёт рекой молочной.

Поэт стремится стать достойным памяти великого предка не только в творчестве:

Настанет время, этот мир покину.
Что будут думать о моих делах? –
Забудут их и образ мой отринут
Иль скажут: «Славно жил Билал Далах!»

Он встаёт на защиту современного лезгинского поэта – Келентара:

За то, что дух калил, как сталь,
Горел звездой в родных просторах
И «Пушкиным лезгинским» стал,
Тебя не обстреляют горы!

Кто честь свою не уронил,
С безумцами напрасно споря,
А родине своей служил,
Того, как сына, примут горы!

Не без пафоса обращается он к читателю:

На вершинах цели намечай!
Устремляйся к ним через преграды!
Если поскользнёшься невзначай,
Унывать и нервничать не надо.

С высоты окрестности видней –
Наши горы, реки и долины.
Лишь орлы – над головой твоей,
А соседи – скалы-исполины.

Судя по фрагментам трёх вышеприведенных стихотворений, первая глава кажется чрезмерно строгой и серьёзной. Автор действительно – пусть даже вскользь – излагает в ней своё отношение к родному языку, истории и культурным традициям народа, к собственным корням, знакомя читателя с национальным колоритом. В первой главе представлена также неизбывная тема в творчестве поэта – любовь к матери. Отцу посвящено стихотворение «Твои следы»: с виду простое, оно покорило жюри Международного литературного конкурса «Стабия в стихах» (Италия, Калабрия). Есть в копилке поэта и стихотворение «Песнь орлу» – победитель секции «Расул Гамзатов» Международного поэтического конкурса «Академия Парнаса – Каникатти – Анджело Ла Веккья» (Италия, Сицилия). Биалал – обладатель премии «Стильное перо» фестиваля «Осенние сверчки» (Болгария). Есть у него книги «В плену любви» на болгарском языке, «Романтик гор» – на итальянском, «Ночной разговор» – на русском (в переводе Валерия Латынина). Сам же Биалал перевёл на лезгинский язык книгу мировой классики «Звёзды на ладони».

Наградой романтически настроенному читателю с первых страниц книги поэзии REGEN станет атмосфера весеннего великолепия первозданной природы, погружение в мечты и заботы простого мальчишки ли, паренька, являющегося неотъемлемой частью огромного мира и уникального высокогорного села, где всё знакомо и бесконечно дорого.

Память не мальчика, но мужа приводит картины недавнего прошлого:

Мне видятся на пастбищах отары
На крышах – стайки озорных ребят.
Летают пчёлы в поисках нектара,
А мы играем и пасём ягнят.

Как хочется опять глядеть с балкона
На красный шар, летящий за Шах-даг,
И слушать щебет ласточки знакомой,
Поющей песни о родных краях!

Спустилась ночь, селенье засыпает,
А я никак и в полночь не усну,
Смотрю, как звёзды дальние сияют,
Хочу увидеть яркую луну.

На дивном цветочном альпийском лугу читатель встретит пылкого влюблённого, возлюбленная которого по его волшебству вольна превратиться в нежную фиалку, робкий подснежник, орлицу и... соавтора, творящего вместе с избранником «сказку о горном свидании»:

Будь речкою горной, я стану утёсом:
В объятия страстным порывом иди!
Пусть нас опьяняют цветы-медоносы,
А горы помогут блаженство найти!

Иногда поэтом овладевает ностальгия:

Я недавно навестил наш край
И заныло сердце, хоть рыдай:

На твоём окошке – пыли слой...
Над моим – дом ласточек пустой.

Помимо ностальгии по первой светлой любви, при посещении поэтом родного села его волной накрывает более глубокая тоска-печаль-утрата:

Кладу дрова в соцветие огня.
Тепло всё ощутимее струится.
Но нет тепла на сердце у меня –
В мой дом родня уже не постучится.

Лишь пачки писем прошлое хранят,
Там след любви блуждает по страницам.
Скрипят ворота – ржавчиной корят,
И стонут под ногами половицы.

Воспоминания овладевают творцом за письменным столом столичной квартиры:

Сегодня снег лежит на городской земле.
Кто ожидал его, тем на душе светло,
А я увидел снег, и стало грустно мне,
И память увела в лезгинское село. [...]

А память всё вела по лесу и горам,
Я вспоминал покой заснеженных лугов,
И сладость первых чувств, и горечь первых драм,
Свиданье под луной, и первую любовь.

Да, город, как медведь, зимою крепко спит.
Нет никого вблизи и тишина кругом.
А вдохновенье вновь мне душу берedit
И мысли на Шах-даг стремятся над столом.

Начинается глава «Две ночи» в Судуре весенним новым годом – «Яран Сувар», заканчивается долгожданным Новым годом в Баку. Вместе с автором читатель, оценив все поры года в горах, окунается в городскую зиму:

Ночь в городе. Сияние огней. [...]

...А где-то в горном небольшом селе
Танцуют звёзды дивные на крышах,
И месяц – ухажёр навеселе –
В круг ярких звёзд покрасоваться вышел. [...]

...Ночь в городе. Сияние огней.
Стою возле окна, сосредоточен.
И вроде я доволен всем вполне,
А вот грущу о дивной сельской ночи!

Две ночи, два окна... Из первой главы читатель узнает, почему автор этих строк назвал Родину поэта Землёй Вровень с Небом и почему лезгинские парни больше, чем представители других народов Кавказа, имеют основание считать себя орлами.

2. До пониманья возвышая чувства

Название второй главы говорит само за себя, в то время как автор, повествующий о чувствах, представляет не столько себя, сколько выступает от имени универсума. Для любого поэта любовь – форма существования, даже если эта любовь из разряда невозможных, погребённых заживо адатами и табу. По крайней мере, наряду со светлыми стихотворениями, именно такое наказание, как репа negra – чёрная печаль-тоска – и невозможность любви отразил в поэзии от имени всех Федерико Гарсия Лорка.

Во второй главе книги поэзии REGEN собраны лучшие образцы любовной лирики Билала Адилова. Составитель поэтического сборника стремился представить цельный образ романтического героя и весь спектр чувств, проявляемых им в контексте прошедшей, настоящей, предстоящей и вечной любви, но неизменно – любви непорочной – amore casto:

Выход на свет после странствий во мгле,
Найденный всё же тобой;
Вспышка огня в остывавшей золе –
Вот что такое любовь!

Сказочных роз распутившийся куст,
Луг, зацветающий вновь,
Радость в душе, снова жаждущей чувств, –
Вот что такое любовь!

«Вот что такое любовь» – достаточно длинное и очень красивое стихотворение о предмете, казалось бы, многими воспетом, но представленные поэтом образы не «избиты».

То же самое можно сказать про стихотворение «Ты почувствуешь это»:

Пить захочешь, пробьюсь родником,
Загрустишь, обниму нежным ветром.
Буду рядом, всегда под рукой.

Ты почувствуешь это.

Закружусь мотыльком над тобой
В час, когда ты оплачешь поэта...
Умирают – тела, не любовь!
Ты почувствуешь это.

Тревога поэта за судьбу вечной любви звучит в стихотворении «Бессмертная высь»:

Царапает сердце мне давняя мысль:
«Со смертью любовь не прервётся?
Что душам дарует бессмертная высь,
А что на земле остаётся?..»

На фоне явных тайн, быстро пролетающих ночей, долгих разлук, утраченных надежд, обуревающих страхов, льющихся потоков слёз, всякого рода вин, борьбы чувств и разума героя – явно выделяется стихотворение «Дождь», перекликающееся с дождём, беседующим с героем в первой главе («У окна»):

[...]

– Ах, струи, струи, может, что-то есть
В вас, кроме влаги, что приносят грозы?
Быть может, от моей любимой весть
Или её, непрошенные, слёзы?

Возможно, и она грустит сейчас
В своём краю за горным перевалом,
И, может быть, она послала вас,
Чтоб мне отрадней хоть немного стало?

[...]

Занавесилось небо дождливою мглой,
Потому что ты вновь разлучилась со мной.

Я смотрю на дорогу сквозь струи воды
И пытаюсь твои обнаружить следы.

Приникаю к стеклу, запотевшему, лбом
И смотрю за текущим, как слёзы, дождём.

Что ты слышишь в далёкой квартире сейчас?
Может, дождь заставляет одуматься нас?

Может, в мыслях «любимый» ты мне говоришь
И, тоскуя, как я, у окошка стоишь?

Интересно, что в стихотворении «Дождь» возлюбленная «...грустит сейчас / В своём краю за горным перевалом», в стихотворении «У окна» – «в далёкой квартире сейчас».

Автор имел все основания дать книге поэзии REGEN любое другое название, но остановился именно на дожде – соучастнике происходящих в ней событий. Что касается второй главы, каждый оценит её, исходя из собственного романтического опыта.

«Ночной разговор» – третья глава, в которой автор вновь выступает от имени героя, а читателю предстоит выносить суждения, опять-таки, исходя исключительно из собственного опыта «борьбы чувств и разума». Герой же заключает:

Горький вывод из сердечной драмы:
Время не излечивает раны:
Помогает боль перетерпеть!

И сетует:

Если б мог не терзаться, спокойно бы жил,
Но свет клином сошёлся на ней лишь одной...
Годы лучшие в жизни я ей посвятил...
Вот какая беда приключилась со мной!

И делится с ночным Каспием горестями-печалями:

Пришёл к тебе я снова, Каспий мой.
Прошу тебя, поговори со мной.

[...]

Я каждый раз иду к тебе, родной,
Когда тревогой мучим и бедой,

И, глядя в глубину суровых вод,
Стихи слагаю из своих забот.

«Теснятся мысли в голове, как тучи» – зарисовка с виду мрачная, но в финале сверкнёт лучик надежды:

Мрачна душа, как скверная погода.
Нет светлых огоньков из темноты.
Желаний русло высохло сегодня.
В саду души увяли все цветы.

А с неба дождь по крыше барабанит...

Переводчику лезгиноязычного автора сложно попасть в авторский размер. Я в своё время и не пыталась.

Гомельский литератор Эмма Прибыльская написала после выхода тетра книги «Jam Session. Blues. Интонации и слова Билала Адилова. Поэзия. Эссеистика»: «Белоруска-переводчица, переведя стихи лезгинского поэта Билала Адилова на итальянский, неожиданно для самой себя создала цикл стихотворений на русском языке: спонтанно перешла границы перевода – подобно реке, вышедшей из берегов. В результате перед нами поэзия Ольги Равченко, навеянная-проникнутая поэзией Билала Адилова.»

Удивительного феномена перевода в целом в предисловии к книге «Jam Session. Blues...» коснулся один из её соавторов – Калоджеро Ла Веккья: «Данная работа – попытка путешествия в универсальном измерении чувств, души. Смысл публикации, переведённой на несколько языков [итальянский, русский, белорусский], заключается именно в этом:

Преодолеть барьеры пространства и вернуть поэзии универсальное измерение!»

Под воздействием магии перевода в инфинитном движении набрала высоту симфония, свободная в своём выражении, но находящаяся во взаимосвязи и уважительная по отношению к собственно душе автора.

Поэзия Билала Адилова на немецком языке – живительный дождь, несущий отраду.

Ольга Равченко, писатель, член МГП, Беларусь